

Киплинг

Крылатые шлемы

1. Центурион тридцатого

После уроков Дана оставили учить латинский язык, и Юна отправилась к опушке дальнего леса одна. Там в дупле старого березового пня была спрятана большая рогатка Дана и отлитые Хобденом пульки. Рядом возвышался холм Пука и извивался ручей, бегущий к кузнице, где стоял дом Хобдена.

Юна достала из тайника рогатку, вложила в нее пульку и выстрелила в сторону таинственно шумящего леса. Тотчас за кустами послышалось какое-то бормотание, и оттуда вышел юноша в медных, сверкающих на солнце доспехах, со щитом и копьем в руке. Больше всего Юну поразил громадный медный шлем с конским хвостом, хвост развевался по ветру.

– Ты не заметила, кто это стрелял? – воскликнул незнакомец, увидев Юну. – У меня что-то просвистело над самым ухом.

– Это я, – ответила Юна. – Я очень прошу извинить меня.

– Разве Фавн [*31] не предупредил тебя о моем приходе? – Юноша улыбнулся.

– Ты имеешь в виду Пака? Он ничего не говорил. А ты кто?

Незнакомец широко улыбнулся, показав ряд белоснежных зубов. У него было загорелое лицо и темные глаза, а густые черные брови сливались в одну линию над орлиным носом.

– Меня зовут Парнезием. Я центурион [*32] Седьмой когорты Тридцатого легиона. Так это ты выстрелила пулкой?

– Я. Вот из этой рогатки.

– Уж я-то должен кое-что понимать в метательных устройствах. Ну-ка покажи!

Он оттянул резинку и отпустил ее, больно ударив себя по большому пальцу.

– Каждый привыкает к своему оружию, – серьезно сказал он, возвращая рогатку. – С большими машинами у меня получается лучше. А эта игрушка хоть и забавная, против волка она ничто. Вы разве не боитесь волков?

– А их здесь давно нет, – ответила Юна. – Мы разводим фазанов. Ты знаешь фазанов?

– Конечно. – Юноша снова улыбнулся. – Большие, расфуфыренные. Совсем как некоторые римляне.

– Но ты ведь и сам римлянин, да?

– И да и нет. Я один из тех многих, кто видел Рим только на картинках. Мои деды и прадеды жили на острове Вектисе. В ясную погоду он хорошо виден прямо отсюда.

– Ты говоришь об острове Уайт? Это он хорошо виден перед дождем.

– Очень может быть. Наша вилла находилась на южном конце острова. Ей было уже триста лет, а конюшне еще больше.

– Расскажи мне о семье, пожалуйста.

– Хорошие семьи очень похожи. У меня была сестра и двое братьев, я – средний. По вечерам мама вязала, отец проверял счета, а мы носились по комнатам.

Когда мы поднимали слишком большой шум, отец говорил: "Угмонитесь! Угмонитесь! Вы забыли, что отец имеет право сделать со своими детьми? Он может даже убить их, и боги только одобряют такой поступок". Тут мама всегда говорила: "Да, это так, но боюсь, ты не очень-то похож на такого римлянина-отца". После этого отец сворачивал бумаги и сам поднимал такой шум, что нам и не снилось!

– А что вы делали летом? – продолжала расспрашивать Юна. – Играли, как и мы?

– Конечно, и еще мы ходили в гости к друзьям. Но это было невечно. Когда мне исполнилось шестнадцать или семнадцать лет, у отца началась подагра и мы поехали на воды.

– Какие воды?

– В Аква Сулис. Там лучшие бани в Британии. Говорят, они не хуже римских. Толстые старики сидят там в горячей воде, толкуют о политике и сплетничают. По улицам этого города ходят генералы со свитой, проплывают кресла судей-магистратов с шествующими позади стройными охранниками, повсюду встречаются предсказатели, ювелиры, купцы, философы, торговцы перьями, покорные варвары, разыгрывающие из себя людей цивилизованных, – каждый встречный интересен. Политикой мы, молодые, не интересовались. Жизнь не казалась нам скучной.

Пока мы бездумно наслаждались, моя сестра встретила сына магистрата с Запада, и через год они поженились.

Мой младший брат, всегда интересовавшийся растениями, встретил Первого доктора легиона и решил стать военным врачом. Мой старший брат встретился с греческим философом и сообщил отцу, что собирается поселиться на нашей ферме и заняться сельским трудом и философией. Дело в том, что эта философия была с длинными кудрями.

– А я считала, что все философы лысые, – сказала Юна.

– Не все. Она была красивой. Я не виню его. Меня вполне устраивало, что мой старший брат выбрал такой путь, потому что сам-то я хотел только одного – служить в армии. Я боялся, что он тоже захочет стать военным и тогда мне придется остаться дома и смотреть за фермой. Так пребывание на водах определило судьбу каждого из нас.

Парнезий встал и прислушался.

– Наверно, это идет Дан, мой брат, – сказала Юна.

– Да, и Фавн с ним.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Дан и Пак продрались сквозь кустарник и вышли на опушку. Дан и Парнезий познакомились, поприветствовав друг Друга.

– Я хотел испытать этот лук Улисса [*33], – сказал Парнезий, – но... – Он показал покрасневший палец.

– Мне очень жаль, – ответил Дан. – Ты, наверно, отпустил резинку слишком рано. А что ты рассказывал Юне?

– Пусть герой продолжает свою историю, – молвил Пак, усевшись верхом на сухую ветку у всех над головами. – А я буду объяснять, как античный хор [*34].

– Я рассказывал твоей сестре о том, как попал в армию, – ответил Парнезий.

– Тебе пришлось сдавать экзамен? – с интересом спросил Дан.

– Нет. Я сказал отцу, что хотел бы служить в кавалерии даков [*35], я не раз видел этих кавалеристов в Аква Сулис, но он заявил, что мне лучше начать службу в регулярном римском легионе. Я же, как и многие мои товарищи, не очень-то любил все римское. Эти рожденные в самом Риме офицеры с презрением смотрели на нас, рожденных в Британии, мы были для них варварами.

"Да, это так, – согласился отец. – Но помни, что мы – люди старой закалки и наш долг – служить империи".

"Империи? Какой? – спросил я. – Один император у нас в Риме, и уж не знаю, сколько сейчас провозглашено императоров в восставших провинциях".

"Главная беда не в этом, – продолжал отец. – Рим изменил заветам отцов и должен быть наказан".

Тут он стал вспоминать события минувших веков, и по его словам выходило, что Вечный Рим находится на грани падения.

"Да, – повторил он, – у Рима нет никакой надежды на спасение. Но если боги помогут нам, британцам, то мы можем спасти Британию. Поэтому, Парнезий, я говорю тебе как отец: если сердце твое лежит к военной службе, то твое место – на Стене".

– Какой Стене? – разом спросили Дан и Юна.

– Отец имел в

виду стену Адриана [*36].

Она была построена давным-давно, чтобы отгородить Британию от раскрашенного народа, по-вашему, – пиктов. Когда отец сказал это, я поцеловал его руку и стал ждать приказаний. Мы, римляне, рожденные в Британии, знаем, чем мы обязаны своим отцам.

– Если б я поцеловал руку отцу, он бы рассмеялся, – сказал Дан.

– Обычаи меняются, но если ты не станешь слушаться отца, то это тебе не пройдет даром, можешь не сомневаться.

После нашего разговора отец послал меня учиться маршировать в гарнизон вспомогательных войск. Когда я выучился, Максим дал мне жезл центуриона Седьмой когорты Тридцатого легиона.

– А кто такой Максим? – поинтересовалась Юна.

– Сам Максим, наш великий Цезарь, генерал Британии. Мало того, что он дал мне жезл центуриона, но и продвинул сразу на три ступеньки! Новичок обычно начинает с десятой когорты и затем продвигается до первой.

– И ты был счастлив? – снова спросила Юна.

– Еще бы. Я думал, что Максим отличил меня за молодецкватый вид или за умение маршировать, но вернувшись домой, узнал, что мой отец, служивший когда-то вместе с Максимом, попросил его за меня.

– Ну и ребенок же ты был! – усмехнулся Пак, сидя на своей ветке.

– Был, – подтвердил Парнезий. – Но вскоре – ты, Фавн, это знаешь, – вскоре я покончил с играми навсегда.

Пак кивнул. Он сидел, опустив коричневую голову на коричневую руку, и глаза его смотрели в одну точку.

– Штаб Тридцатого легиона тогда находился в Андериде, но моя Седьмая когорта размещалась на Стене.

– Андериде? Это что? – дети обернулись к Паку.

– Это Певнсей. – Пак указал рукой на юг.

– Снова наша долина! – воскликнул Дан. – Там, где высаживался Виланд?

– И Виланд, и другие, – отвечал Пак. – Это место древнее, даже по сравнению со мной.

– Итак, – продолжал Парнезий, – я получил приказание идти с тридцатью солдатами к нашей когорте. – Он весело рассмеялся. – Я чувствовал себя счастливее любого императора, когда впереди своего отряда выходил из Северных ворот лагеря, мимо охраны и алтаря богини Победы, которым мы отдали салют.

– Как? Как? – дружно спросили Дан с Юной.

– Вот так! – ответил Парнезий и медленно проделал все красивые движения римского салюта, который завершается глухим ударом щита, опускаемого за плечи.

– Да-а, – прошептал Пак. – Тут есть над чем подумать.

– Мы выступили в полном вооружении, – продолжал Парнезий, снова садясь на землю. – Но как только дорога вошла в лес, солдаты захотели погрузить щиты на лошадей.

"Нет, – сказал я, – пока вы под моей командой, свое оружие и доспехи будете нести сами".

"Но сейчас жара, – возразил один солдат, – а у нас нет доктора. Вдруг у нас будет солнечный удар или лихорадка?"

"Тогда умирайте! – ответил я. – Невелика потеря для Рима. Выше копыя! Подтянуть ремни!"

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

"Не строй из себя императора Британии!" – крикнул он.

Я сбил его с ног тупым концом копья и объяснил этим рожденным в Риме римлянам, что, если еще будут такие разговоры, у нас станет одним человеком меньше. И я не шутил!

Затем тихо, словно облако, на дорогу выехал Максим и мой отец следом. На Максиме была пурпурная мантия, как будто он уже стал императором Британии, на ногах – белые с золотом поножи из кож оленя. Некоторое время он стоял молча и только смотрел, прищурив глаза.

"Станьте–ка на солнце, детки", – сказал он наконец.

И солдаты выстроились в шеренгу вдоль дороги.

"Что бы ты сделал, – обратился он ко мне, – если бы меня тут не было?"

"Убил бы того солдата", – ответил я.

"Убей же его. Он и пальцем не шевельнет".

"Нет, – сказал я. – Теперь они подчиняются тебе, а не мне. Убей я его сейчас, я был бы просто палачом, исполняющим твои приказы".

Максим нахмурился.

"Тебе никогда не быть императором, – сказал он. – Даже генералом тебе не быть никогда".

Я молчал, но было видно, что мой отец доволен. "Я пришел попрощаться с тобой", – сказал он мне.

"Вот и попрощался, – сказал Максим. – Твой сын мне больше не понадобится. До самой смерти он будет служить офицером легиона, а мог бы быть префектом[*37] одной из моих провинций. Пойдем пообедаем с нами, – обратился он ко мне. – Солдаты тебя подождут".

Максим отвел нас с отцом к месту, где его слуги приготовили еду. Он сам смешивал вина.

"Через год, – говорил он мне, – ты вспомнишь, как обедал с императором Британии и Галлии".

"Да, – подтвердил мой отец, – на двух мулах – Британии и Галлии ты сможешь ехать".

"Через пять лет ты вспомнишь, как обедал, – Максим передал мне чашу, – с императором Рима!"

"Нет, – перебил отец, – на трех мулах тебе не усидеть. Они разорвут тебя на части".

"И там, на своей Стене, среди вересковых пустошей, ты будешь плакать, сожалея, что твое понятие о справедливости значило для тебя больше расположения к тебе императора Рима!"

Я сидел молча. Императору, который носит пурпурную мантию, не отвечают.

"Может быть, из тебя вышел бы неплохой трибун [*38], – продолжал Максим, – но, насколько это зависит от меня, ты будешь на Стене служить, на Стене и умрешь".

"Очень может быть, – согласился отец, – но еще задолго до этого сюда прорвутся пикты и их друзья. Неужели ты надеешься, что Север будет пребывать в спокойствии, если ты заберешь из Британии все войска для борьбы с другими императорами?"

"Я буду следовать своей судьбе", – сказал Максим. Он улыбнулся. Это была такая ледяная, тонкая, скрытная улыбка, что кровь у меня застыла в жилах.

"А я – своей, – ответил я, – и поведу отряд на Стену".

Максим бросил на меня долгий взгляд и наклонил голову. "Что ж, следуй, юноша", – только и сказал он. Я был рад уйти, хотя собирался передать послания домой. Солдаты стояли так, как их поставили – они даже не смели переступить с ноги на ногу, – и мы отправились прочь, а я еще долго чувствовал спиной эту ужасную тонкую улыбку, как чувствуешь ветер, дующий в спину. Мы шли без остановки до самого заката, а потом, – Парнезий оглянулся и посмотрел на холм Пука, – я остановился вон там. – Он указал на покрытый папоротником бугор около кузницы, где стоял дом Хобдена.

– Там? Так там же только старая кузня, где раньше ковали железо, – удивился Дан.

– Совершенно верно, и очень неплохое. От алтаря богини Победы до первой кузницы в лесу двадцать миль семьсот шагов. Все расстояния занесены в Книгу дорог.

– Сейчас мало кто проходит страну из конца в конец пешком, – сказал Пак.

– Тем хуже для них. Представь! Ты выступаешь утром, когда поднимается туман, а останавливаешься примерно через час после захода солнца. Скорость двадцать четыре мили за восемь часов, ни больше, ни меньше. Копье над головой, щит на спине, воротник кольчуги расстегнут на ширину ладони. Вот так мы несли Орлов – наши штандарты – по Британии.

Чем дальше мы шли на Север, тем пустынное становились дороги. Леса остались позади, начались голые холмы, где только волки рыскали среди руин бывших городов. И вот нет уже больше красивых девушек, нет жизнерадостных магистратов, которые знали твоего отца еще ребенком и которые приглашают тебя остановиться у них, на стоянках не говорят больше ни о чем, кроме страшных историй о диких зверях. Тут ты встречаешь только охотников и ловцов зверей для гладиаторских боев, погоняющих скованных цепью медведей и волков в намордниках.

Перестают попадаться и виллы, окруженные садами. Вместо них стоят закрытые дома–крепости, со сторожевыми башнями из серого камня и загонами для овец – загонны обнесены высокими каменными заборами, охраняются вооруженными бриттами. Дорога идет все вперед и вперед – только ветер развеивает перья на шлеме – мимо памятников в честь забытых генералов и их легионов, мимо разрушенных статуй богов и героев, мимо тысяч могил, из–за которых на тебя выглядывают горные лисы да зайцы. Обжигающая летним зноем и зимней стужей, такова она, эта бескрайняя земля красного вереска и каменных развалин.

2. На Великой Стене

– И вот, когда ты думаешь, что уже достиг края света, ты замечаешь линию дымок, тянущихся с востока на запад насколько хватает глаз, а чуть ближе, от края до края, тоже насколько охватывает глаз, ты видишь дома и храмы, лавки и театры, казармы и амбары, стоящие с ближней – только ближней! – стороны одной длинной линии башен, то исчезающей в лощинах, то появляющейся снова. Это – Стена.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Дети затаили дыхание.

– Старики ветераны, – продолжал Парнезий, – всю жизнь проведенные в походах, говорят, что во всей империи нет ничего более впечатляющего, чем открывающийся перед тобою впервые вид Стены.

– Это обыкновенная стена? – спросил Дан. – Такая, как у нас вокруг огорода?

– Нет,

не такая. Через равные промежутки на Стене возвышаются сторожевые башни, а между ними находятся башенки поменьше. Высота Стены тридцать футов. Даже по ее самому узкому участку от одной башни до другой могут пройти в ряд три человека в полном вооружении.

С северной стороны, обращенной к пиктам, на ней сооружена еще одна, маленькая защитная стенка. Она доходит человеку примерно до шеи, так что издали над стеной видны только шлемы часовых,двигающиеся взад-вперед, будто шарики. На северной стороне Стены вырыты ров, утыканный забитыми в дерево клинками старых мечей и наконечниками копий.

Но сама Стена не более интересна, чем город, протянувшийся за ней. Раньше с южной стороны Стены селиться никому не разрешалось, и там были лишь рвы да бастионы. Потом бастионы были частично снесены, частично перестроены, и от одного края Стены до другого возник город, длиною в восемьдесят миль. Только представьте! С одной стороны Стены – вересковые пустоши, леса да развалины, где прячутся пикты, с другой – обширный город, длинный как змея. Да, словно змея изогнулась у теплой стенки!

В городе ко мне подъехал юноша, тоже офицер, и спросил, что мне надо. Я ответил, что ищу свою казарму, и показал ему щит. – Парнезий поднял свой щит с тремя цифрами XXX.

"Может, пойдем смочим наших Орлов? [*39]" – предложил юноша. Он имел в виду пойти выпить. Я ответил, что сначала должен разместить солдат. Мне стало стыдно за него, и я рассердился.

"Ничего, ты скоро излечишься от этой чепухи, – сказал он, отъезжая. – Ступай к статуе богини Рима. Ты ее не пропустишь".

Статуя виднелась невдалеке, наверху центральной башни Гунно, где, как я знал, размещалась моя когорта. Когда-то раньше сквозь арку в этой башне проходила Великая северная дорога, связывавшая Южную Британию с провинцией Валенсия, лежащей к северу от Стены. Позднее Валенсия была завоевана пиктами, так что выход из арки был заложен кирпичом, а на Стене кем-то нацарапано слово "конец". Было похоже, что тыходишь в пещеру. Мы вошли под арку. На одной из дверей был написан номер нашей когорты. У меня еще долго не выходила из головы эта упершаяся в стенку дорога и нацарапанное слово "конец". Оно сразило меня, ведь я был еще совсем ребенком.

Поначалу мне пришлось нелегко. Среди офицеров не было, наверно, ни одного, кроме меня, кто не совершил бы какого-нибудь проступка: один убил человека, другой украл деньги, третий оскорбил магистрата или насмеялся над богами, – и всех их услали на Стену, спрятав подальше от стыда и позора. Солдаты тоже были не лучше офицеров. И кроме того, здесь собрались народы и племена со всей империи. Каждый отряд говорил на своем языке и поклонялся своим богам.

Но боги сжалились – послали мне друга, его звали Пертинакс, тот юноша, что заговорил со мной в первый день. Запомни, – Парнезий повернулся к Дану, – когда станешь взрослым: без лошади, без собаки, без друга мужчина погибнет. Боги дали мне все три дара, и самый ценный из них – дружба. Каков ты сам, таков будет и твой друг. Пертинакс командовал когортой Августа Победителя, располагавшейся между нами и нумидийцами [*40]. Он был во всем лучше меня.

– Так почему же он был на Стене? – мгновенно спросила Юна. – Ты же сам говорил, что все, кто там был, совершили какой-нибудь проступок.

– Дело в том, что после смерти отца Пертинакса его дядя – богач из Галлии – стал обкрадывать его мать. Когда Пертинакс подрос и узнал это, дядя силой и хитростью отправил его подальше от дома, на Стену. Пертинакс уже служил здесь два года. Он-то и научил меня охотиться с вереском.

– Как это? – спросил Дан.

– Идти с каким-нибудь пиктом на охоту в их страну. Если ты на видном месте прикрепишь веточку вереска, ты становишься их гостем и находишься в полной безопасности. Одного бы тебя наверняка убили, если бы ты еще раньше не утонул в болотах. Только пикты знают проходы сквозь свои черные невидимые болота. Тогда мы подружались со стариком Алло, седым, одноглазым пиктом, он продавал нам лошадей. Из-за нашей дружбы с пиктами римские офицеры смотрели на нас с презрением, но мы все равно предпочитали охоту всем их развлечениям. Поверь мне, – Парнезий снова повернулся к Дану, – когда ты скачешь на лошади или охотишься на оленя, тебя минуют все соблазны, которые грозят любому мужчине.

Вот так мы и жили на Стене два года, часто охотясь с Алло в его стране. Иногда он называл нас своими детьми, и мы тоже любили его, но не позволяли раскрашивать себя, как это делали пикты. Ведь их рисунок остается на теле до смерти.

– Как они это делают? – спросил Дан.

– Они прокалывают кожу, чтобы показалась кровь, и начинают втирать цветные соки. Алло был разрисован со лба до лодыжек – голубым, зеленым и красным цветом. Он говорил, что так предписывает его религия. Когда мы познакомились ближе, он стал рассказывать нам о событиях, происходивших у нас за спиной, в Британии. Клянусь светом солнца! – воскликнул Пертинакс. – Этот народец был всеведущ! Алло сообщил нам, когда Максим провозгласил себя императором Британии и отправился завоевывать Галлию и сколько войск он взял себе в помощь. У нас на Стене мы получили известие об этом лишь пятнадцать дней спустя. И все цифры оказались правильными! Удивительно! Но не менее удивительна была другая история.

Парнезий обхватил руками колени и, откинувшись, положил голову на стоящий сзади щит.

– Ранней осенью, когда появляются первые заморозки и пикты усыпляют своих пчел, мы трое, взяв собак, отправились охотиться на волка. Наш генерал Рутулианус дал нам десятидневный отпуск, и мы поехали в глубь страны пиктов, за пределы провинции Валенсия, туда, где римлян никогда не было. Еще до полудня мы убили волчицу и приготовились завтракать. Алло, снимая с волчицы шкуру, вдруг поднял голову и сказал мне: "Когда ты станешь Капитаном Стены, сын мой, ты больше не сможешь ездить сюда!"

Так как я мог с таким же успехом рассчитывать стать префектом Нижней Галлии, я рассмеялся и ответил: "Что ж, подождем, пока я им стану". – "Не надо ждать, – сказал Алло, – послушайте моего совета: отправляйтесь по домам оба. Я любил вас обоих, послушайте же меня".

"Мы не можем уехать, – сказал я. – Я в немилости у своего императора, а у Пертинакса – дома дядя".

"Про дядю я ничего не знаю, – признался Алло, – но твое, Парнезий, несчастье в том, что у своего императора ты в слишком большой милости".

"Великий Рим! – вскричал Пертинакс, вскакивая. – Откуда ты можешь знать, что у Максима на уме, ты, лошадиный барышник?"

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Тут неожиданно на нас выскочил огромный волк (ты знаешь, как близко подбираются эти твари, когда люди едят?). Наши отдохнувшие гончие рванули за ним, а мы – следом. До самого вечера волк как стрела мчался по прямой, все время на запад, и все знакомые нам районы остались позади. Наконец мы достигли моря, где песчаные мысы далеко вдаются в воду, и увидели вытщенные на берег корабли. Мы их насчитали сорок семь. Это были не римские галеры, а корабли с похожими на крылья ворона парусами, приплывшие с Севера, куда не достигает власть Рима. На кораблях сновали люди, и солнце сверкало на их шлемах – крылатых шлемах рыжеволосых воинов с неподвластного Риму Севера. Мы считали, смотрели и удивлялись, потому что хотя до нас и доходили слухи об этих Крылатых Шлемах (как называли норманнов пикты), мы их еще ни разу не видели.

"Бежим! Скорей! – крикнул Алло. – Мой вереск не спасет от них! Нас всех убьют!" – У старика дрожали и голос, и ноги. Мы повернули назад, помчались по освещенным луной вересковым полям и остановились лишь с наступлением рассвета, когда наши лошади стали спотыкаться на знакомых развалинах Валенсии.

Проснувшись утром, мы увидели, что Алло уже встал и смешивает с водой какую-то еду. В стране пиктов нельзя разжигать костер за пределами деревни, потому что пикты дымом подают друг другу сигналы и посторонний дымок может их всех растрезвожить.

"То, что мы видели вчера, – это становище купцов, – сказал Алло. – Всего-навсего становище купцов".

"Терпеть не могу вранья на голодный желудок, – усмехнулся Пертинакс. – Наверно (глаз у него был орлиный), наверно, это тоже становище купцов?" – Он указал на поднимающиеся из-за холма далекие дымки, мы называли их посланиями пиктов. Одно облако дыма – пауза, два облака дыма – пауза и так далее. Это делалось с помощью мокрой шкуры, которую то держали над огнем, то убирали в сторону.

"Нет, – ответил Алло, засовывая деревянную тарелку обратно в мешок. – Это сигнал нам с вами. Ваша судьба решена. Идемте".

Мы пошли. В стране пиктов надо подчиняться своему проводнику. Этот дымок, будь он неладен, поднимался откуда-то с восточного побережья. Забравшись на последний холм милях в трех-четыре от берега, мы увидели восточное море. У берега, свернув паруса и отбросив сходни, стояла на якоре небольшая парусная галера, какие строят в Северной Галлии, а у подножья холма, в небольшой ложбине, держа под уздцы пони, одиноко сидел Максим, император Британии! На нем был охотничий костюм, в руке хлыст. Я узнал его по осанке и сказал Пертинаксу, кто это.

"Ты совсем сошел с ума! – воскликнул Пертинакс. – Солнце ослепило твои глаза!"

Максим не шевельнулся, пока мы не подъехали. Он осмотрел меня с головы до ног.

"Опять голодный? – спросил он. – Похоже, моя судьба – кормить тебя при каждой встрече. Здесь у меня еда. Алло приготовит ее".

"Нет, – ответил старик. – Вождь на своей земле не нуждается в приказаниях странствующих императоров.

Я накормлю своих детей,
не спрашивая твоего разрешения".

"Я был не прав, – признался Пертинакс. – Мы все здесь сошли с ума. Говори же, о император!"

Максим улыбнулся своей ужасной, сквозь сжатые губы, улыбкой, но я не испугался; ведь человека, прослужившего два года на Стене, одной улыбкой уже не испугать.

"Я был вынужден, – начал Максим, – сократить число гарнизонов в Британии, потому что мне нужны войска в Галлии. Сейчас я пришел забрать часть войск со Стены".

"Ты, наверное, шутишь, – сказал Пертинакс. – Мы же последние отбросы империи. Я бы скорее доверился закоренелым преступникам".

"Правда? – серьезно спросил Максим. – Но это ведь только временно, пока я не завоюю Галлию. Всегда приходится ставить на кон либо жизнь, либо душу,

либо душевный покой, либо еще какую-нибудь мелочь. Говорят, Парнезий, – он обратился ко мне, – пикты тебя любят".

"Он – единственный из твоих офицеров, кто нас понимает", – ответил Алло и произнес длинную речь о наших добродетелях. Размалеванный старик ораторствовал словно Цицерон [*41]. Из его слов выходило, что мы с Пертинаксом само совершенство.

Максим не сводил глаз с наших лиц.

"Хватит, – оборвал он. – Я слышал, что Алло думает о вас. Теперь я хочу знать ваше мнение о пиктах".

Я рассказал ему все, что знал, и Пертинакс вторил мне. Пикты не сделают ничего дурного, если понять их трудности. Больше всего сердило их то, что мы сжигаем их вереск. Дважды в год весь гарнизон выходил в поле и торжественно выжигал вереск на десять миль к Северу.

Наш генерал Рутулианус называл это расчисткой территории. Пикты отходили еще дальше, и получалось, что летом мы просто уничтожали нектар – пищу пчел, а весной – корм для овец.

"Верно, все верно, – подтвердил Алло. – Как же нам варить наш чудесный напиток, вересковый мед, если вы уничтожаете нектар?"

Разговор продолжался долго. Из вопросов Максима было ясно, что он хорошо знал пиктов и много думал о них. Наконец он спросил:

"Что ты посоветуешь сделать, чтобы сохранить мир на Севере, пока я буду завоевывать Галлию?"

"Оставить пиктов в покое, – ответил я. – Немедленно прекратить выжигание вереска и время от времени посылать им баржу-другую зерна".

"И распределять зерно должны сами пикты, а не наши жулики-интенданты", – добавил Пертинакс.

"И пусть приходят в больницу, когда они в этом нуждаются", – продолжил я.

"Да они скорее умрут, чем придут к нам в больницу, это уж точно", – воскликнул Максим.

"Вовсе нет, если этим займется Парнезий, – возразил Алло. – В двадцати милях от Стены немало можно насчитать людей, покусанных волком или помятых медведем. Но пусть Парнезий остается с ними в больнице, а то одни пикты обезумеют от страха".

"Понятно, – произнес Максим. – Как и все на свете, успех дела зависит нередко только от одного человека. Я думаю, Парнезий, ты и есть тот человек".

"Мы с Пертинаксом – одно целое", – сказал я.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

"Пусть так, если дело будет сделано. Послушай, Алло, ты знаешь, я не желаю твоему народу зла. Оставь нас одних поговорить", – попросил Максим.

"Зачем? – усмехнулся Алло. – Мой народ – зерно меж двух жерновов, и я должен знать, что хочет один из них. Юноши сказали правду, но они знают не все. Я же, вождь, скажу остальное. Меня беспокоят пришельцы с Севера". Алло весь сжался, как заяц в вереске, и посмотрел по сторонам.

"Меня тоже, – сказал Максим. – Иначе я не был бы здесь".

"Слушай! – воскликнул Алло. – Много лет назад Крылатые Шлемы приплыли к нашим берегам со словами: "Рим на краю пропасти! Столкните же его!" Мы на вас напали. Вы прислали солдат. Мы были разбиты. После этого мы сказали Крылатым Шлемам: "Лжецы! Верните жизнь нашим мертвым, которых убил Рим, тогда мы вам поверим". Они убралась пристыженные. Сейчас, осмелев, они вернулись и снова завели старую песню, что Рим на краю гибели. И мы уже начинаем этому верить".

"Дай мне три года мира на Стене! – крикнул Максим. – И я покажу тебе и этим воронам, насколько они ошибаются!"

"А-а, хорошо бы. Но как запретить юношам моего племени слушать Крылатых Шлемов, особенно зимой, когда мы голодаем? Наши юноши повторяют: "Рим не может ни сражаться, ни править. Он забирает солдат из Британии. Крылатые Шлемы помогут нам прорвать Стену. Надо показать им тайные тропы через болота". Разве я хочу этого? Нет! – Алло сплюнул, как плюется змея. – Я бы не выдал секреты моего народа", пусть бы меня сжигали заживо. Парнезий сказал правду. Оставьте нас, пиктов, в покое. Он понимает нас. Пусть он командует Стеной, и я сдержу своих юношей. – Алло что-то прикинул на пальцах. – Первый год легко, второй год не так легко, третий – постараюсь. Да, я даю тебе три года. Но знай: если к тому времени ты не покажешь, что Рим силен людьми и оружием, Крылатые Шлемы бросятся на Стену с двух сторон и соединятся посередине. Вам придет конец. Я не буду очень жалеть об этом, но я хорошо, ой как хорошо знаю ту единственную цену, какую племя берет у племени за помощь. Нам, пиктам, тоже придет конец. Крылатые Шлемы сотрут нас в пыль.

"Хорошо! – сказал Максим. – Если ветер не изменится, утром я буду на восточном конце Стены. Завтра же я увижу вас в гарнизоне и назначу Капитанами Стены".

"Секунду, Цезарь! – сказал Пертинакс. – Каждый человек имеет свою цену. Я же еще не куплен".

"Уже начинаешь торговаться? – спросил Максим. – Ну?"

"Рассуди меня по справедливости с моим дядей, дуумвиром [*42] из города Дивии в Галлии", – попросил Пертинакс.

"Всего лишь одна жизнь? Он будет твой! Я думал, ты попросишь денег или какую-нибудь должность. Напиши его имя на красной стороне доски. Другая сторона – для живых". – Максим протянул ему вошьные дощечки для письма.

"Какой мне прок от его смерти? Моя мать вдова, а я от нее далеко. Мне кажется, дядя обкрадывает мать".

"Мне все равно. Я до него доберусь. В свое время он представит нам полный отчет. А теперь прощайте, до завтра, Капитаны Стены!"

Он пошел на корабль, и его фигура все уменьшалась. По сторонам от него, за камнями, прятались десятки пиктов, но он ни разу не повернул голову ни вправо, ни влево. Он поплыл к югу, подставив вечернему бризу полные паруса, и мы не проронили ни слова, пока не исчез корабль. Мы знали, что земля рождала мало людей, подобных ему.

Вскоре Алло привел нам лошадей и помог сесть верхом, чего он раньше никогда не делал.

"Подожди", – попросил Пертинакс. Из вырезанных кусков земли он сложил небольшой алтарь, усыпал его цветами вереска и положил сверху письмо от девушки из Галлии.

"Что ты делаешь, о мой друг?" – спросил я.

"Приношу жертву своей погибшей юности", – ответил он. Когда письмо сгорело, он втоптал каблуком пепел в землю. Потом мы поехали к Стене, стать ее Капитанами.

Парнезий замолчал. Дети сидели неподвижно, даже не спрашивая, кончилась ли на этом история или нет. Пак поманил детей и кивнул в сторону их дома.

– Простите, – прошептал он, – но вам пора домой.

– Он на нас не сердится, нет? – заволновалась Юна. – Кажется, он думает о чем-то далеком...

– Нет, не беспокойся. Подожди до завтра. Это будет совсем скоро.

3. Крылатые Шлемы

Назавтра выдался абсолютно свободный день. Папа с мамой отправились в гости, мисс Блейк поехала кататься на велосипеде, и дети оказались предоставленными себе до восьми часов вечера. Едва они очень вежливо проводили своих дорогих родителей и свою дорогую наставницу, как садовник принес полный капустный лист малины, а служанка Эллен – чаю с пирогом. Малину, пока она не помялась, дети съели, а листом капусты решили поделиться с тремя коровами, которые паслись около театра. Но по пути туда они наткнулись на мертвого ежа, которого просто обязаны были похоронить, и лист нельзя было не использовать для этого.

Потом они пошли к кузнице, застали там старика Хобдена и устроились пить чай неподалеку от пасеки. Хобден очень похвалил пирог, испеченный Эллен, сказав, что он не хуже тех, какие пекла когда-то его жена. После чая он стал учить детей, как нужно ставить силки на зайцев. Про силки для кроликов дети уже все знали.

Потом они влезли вверх по оврагу и отправились в дальний конец леса. Место это было печальнее и темнее той опушки, где дети впервые встретили центуриона. Особую мрачность месту придавала старая торфяная яма с черной водой и влажный, похожий на космы старухи мох, укутывающий гнилые пни ивы и ольхи. Птицы, однако, любили прилетать в этот полумертвый лес, и Хобден рассказывал,

что эта набравшаяся горечи от корней ив вода служит своеобразным лекарством для больных животных.

Дети сели на ствол поваленного дуба, в тени раскинувшегося над ними бука, и из проволоки, которую дал им Хобден, стали делать петли для силков. В этот момент они увидели Парнезия.

– Как тихо ты подошел, – сказала Юна, подвигаясь, чтобы он мог сесть рядом. – А где же Пак?

– Мы с этим Фавном спорили, стоит ли мне рассказывать мою историю до конца, или оставить так, – ответил Парнезий.

– Я лишь заметил, что, если он расскажет все, как было, вы многое не поймете. – С этими словами Пак ловко выпрыгнул из-за бревна.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– Я и так ничего не понимаю, – сказала Юна, – но мне нравится слушать про этих маленьких пиктов.

– А я не могу понять одного, – сказал Дан. – Как Максим мог знать про пиктов абсолютно все, если он был в Галлии?

– Тот, кто провозглашает себя императором, должен знать все про всех, – ответил Парнезий. – Именно эти слова услышали мы из уст самого императора сразу же после игр.

– Игр? Каких игр? – спросил Дан.

Парнезий решительно вытянул вперед сжатую в кулак руку так, что большой палец был направлен вниз [*43]

– Гладиаторских! Вот каких! – ответил он. – Когда император Максим совершенно неожиданно высадился на восточном конце Стены, в Сегедунуме, в его честь устроили двухдневные гладиаторские игры. Да, через день после нашей с ним тайной встречи уже проводились игры в его честь. Максим шел на отчаянный риск: ведь он подвергался большей опасности, чем те бедняги на песчаной арене. Это раньше легионеры и пикнуть не смели в присутствии императора. Иное дело мы! Когда носилки с императором медленно двигались сквозь толпу, дружные крики сливались в единый гул, и этот гул катился с востока на запад вместе с носилками. Солдаты вокруг шумели, дурачились, что-то просили и требовали – больше платить, перевести их в другое место, – словом, все, что могло прийти в их сумасбродные головы. Носилки качались над толпой, как лодка на волнах; иногда они как бы проваливались и ныряли, и всем уже начинало казаться, что они больше не появятся, но каждый раз они поднимались снова. – У Парнезия по лицу пробежала дрожь.

– Так они были недовольны им? – спросил Дан.

– Так же довольны, как волки в клетке, когда среди них появляется укротитель. Если бы он хоть на мгновение испугался, если бы он хоть на мгновение отвел глаза, в тот же час на Стене был бы провозглашен другой император. Разве это было не так, Фавн?

– Да, было именно так. И так будет всегда с теми, кто хочет власти, – ответил Пак.

– Поздно вечером за нами пришел гонец Максима, и мы с Пертинаксом последовали в храм Победы, где император расположился рядом с Рутилианусом, Генералом Стены. Я едва был знаком с генералом, но он всегда давал мне разрешение, когда я хотел отправиться к пиктам на охоту. Он был страшный обжора, держал пять поваров из Азии и происходил из семьи, верившей в оракулы [*44]. Войдя, мы сразу почувствовали восхитительные запахи обеда, но столы были пусты. Рутилианус, похрапывая, лежал на своем ложе. Максим сидел в стороне среди вороха бумаг. Двери за нами бесшумно закрылись.

"Вот эти люди", – сказал Максим генералу, которому долго пришлось тереть больными подагрическими пальцами уголки глаз, прежде чем они открылись. Он, словно рыба, тупо уставился на нас.

"Я их запомню, Цезарь [*45]", – сказал Рутилианус.

"Прекрасно! А теперь слушай! Ты не будешь перемещать ни одного легионера, ни одного орудия на Стене по собственной воле. Без их разрешения ты можешь только есть, и ничего больше. Они будут твоей головой и руками. Ты сам – только животом".

"Как угодно моему Цезарю, – проворчал старик. – Если мое жалованье и доходы не будут урезаны, ты можешь делать моим начальником хоть кого угодно. О бедный Рим! Несчастный Рим!" Потом он повернулся на бок и заснул.

"С ним все ясно, – сказал Максим. – Перейдем же теперь к нашим вопросам".

Он развернул полные списки легионеров и припасов на Стене. Здесь значились абсолютно все, даже те, кто в этот день лежал в башне Гунно, в больнице. О, сердце мое даже застонало, когда перо Максима вычеркивало для отправки в Галлию один за другим наши лучшие, то есть наименее распущенные отряды. Он забрал обе скифские [*46] башни, две башни вспомогательных войск из Северной Британии, две нумидийские когорты, всех даков и половину белгов [*47]. Было похоже, что орел расклевывает мертвое тело.

"Так, а сколько у вас катапульта?" – Максим взялся за новый лист, но Пертинакс придавил его ладонью.

"Нет, Цезарь, – сказал он. – Не надо заходить слишком далеко, испытывая терпение богов. Бери либо людей, либо машины, но не то и другое вместе. Иначе мы отказываемся".

– Машины? Какие? – спросила Юна.

– На Стене стояли катапульты – огромные машины вышиной сорок футов, которые метали каменные глыбы или железные стрелы. Ничто не могло устоять против них! В конце концов Максим оставил нам катапульты, но зато взял безо всякой жалости половину всех солдат. Когда он закончил и свернул списки, то от наших легионов осталась лишь оболочка!

"Привет тебе, Цезарь! Мы, идущие на смерть, приветствуем тебя! – смеясь продекламировал Пертинакс слова гладиаторов. – Врагу стоит сейчас только облокотиться о Стену, и она закачается".

"Дайте мне только те три года, о которых говорил Алло, – ответил Максим, – и в вашем распоряжении на Стене будет двадцать тысяч солдат. Но сейчас мы идем на риск – мы бросаем вызов богам и в нашей игре на кон поставлены Британия, Галлия и, возможно, Рим. Согласны ли вы играть на моей стороне?"

"Мы будем играть, Цезарь!" – ответил я. Никогда еще не видел я такого человека!

"Хорошо, – ответил Максим. – Завтра перед войсками я провозглашу вас Капитанами Стены".

И мы вышли в ночь, где при свете луны все приводилось в порядок после игр. На верху Стены возвышалась статуя Великого Рима. Ее шлем блистал от инея, а копьё указывало на полярную звезду. По миганию костров можно было определить ряд сторожевых башен, а темные громады катапульта выстраивались в линию, исчезающую где-то вдаль. Все эти предметы были до скуки знакомы, но все же в ту ночь они выглядели как-то необычно, – ведь мы знали, что утром должны стать их хозяевами.

Солдаты восприняли известие спокойно. Заботы начались позднее, когда Максим увел половину всех легионов и нам пришлось раздвигаться и заполнять опустевшие башни, когда жители стали жаловаться, что торговля приходит в упадок, да вдобавок задули осенние ветры – вот когда для нас двоих наступили черные дни. Пертинакс был в таких случаях для меня даже больше, чем просто правой рукой. Он ведь родился и вырос в знатной галльской семье и поэтому знал, как обращаться к разным людям – и к центуриону, родившемуся в Риме, и к этим отбросам из Третьего легиона – ливийцам [*48]. С каждым он говорил, как с человеком, равным ему по благородству. Я так ясно видел, сколько нам еще надо сделать, что забыл: не только люди определяют исход событий. Это была ошибка.

Пикты меня не пугали, по крайней мере в тот год, но Алло предупредил меня, что Крылатые Шлемы скоро нападут с моря на нашу Стену, чтобы показать им, пиктам, насколько мы слабы. Я сразу же отдал необходимые распоряжения: на концы Стены передвинуть наши лучшие войска, а вдоль берега установить защищенные щитами катапульты. Подготовка шла быстро, и спешка была не лишней. Крылатые Шлемы обычно нападали до начала снежных бурь – силами от десяти до двадцати кораблей сразу – либо на Сегедунум, либо на Итуна, в зависимости от направления ветра.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Надо сказать, что Крылатые Шлемы, прежде чем высадить людей на берег, должны были сначала убрать на корабле паруса, и если дожждаться, когда они начнут их сворачивать, и тут же метнуть из катапульты камни – железные стрелы не годятся, стрелы просто проходят через ткань, – то корабль переворачивается и море снова становится чистым. Несколько человек, бывает, доплывут до берега, но их единицы... В общем, это несложно. Самым трудным для нас было часами стоять на песчаном берегу под пронизывающим ветром со снегом. Так мы и сражались с Крылатыми Шлемами в ту зиму.

Ранней весной, когда восточные ветры пронзают тебя словно ножом, Крылатые Шлемы снова собрали много кораблей напротив Сегедунума. Алло сказал мне, что они не успокоятся, пока в открытом бою не захватят хотя бы одну башню. Они всегда сражались в открытую. Мы целый день методично забрасывали их камнями, пока все не было окончено. И тогда я увидел, что к берегу плывет какой-то человек, очевидно спасшийся после того, как его судно затонуло. Я подождал, и волна выбросила его к моим ногам.

Шагнув вперед, я увидел, что у человека такая же медаль, что и у меня. – Парнезий показал рукой на грудь. – Поэтому, когда человек пришел в себя и был в состоянии говорить, я задал ему особый вопрос, на который существует особый ответ. И он ответил этим нужным словом – значит, среди почитателей бога Солнца Митры [*49] он принадлежал к разряду Грифонов [*50]. Я прикрыл его своим щитом, и он встал. Я и сам, видите, не маленького роста, но он был на целую голову выше меня.

"Что теперь будет со мной?" – спросил он.

"Ты свободен, брат, – ответил я. – Можешь остаться или уйти".

Он посмотрел на волнующееся море. Там виднелся только один уцелевший корабль – он был вне досягаемости наших катапульт. Я подал знак не стрелять, а он махнул рукой, подзывая корабль к себе. Корабль послушно двинулся к нему, как собака на зов хозяина. Когда до корабля оставалось еще шагов сто, он откинул назад волосы и поплыл ему навстречу. Его втащили на палубу, и корабль ушел. Я знал, что богу Митре поклоняются люди разных стран, и выбросил этот случай из головы.

Месяц спустя я встретил Алло с его лошадьми, и – клянусь храмом Пана [*51] о Фавн! – он протянул мне большое золотое ожерелье, сплошь усыпанное кораллами.

Сначала я подумал, что это взятка от какого-нибудь купца из города и что она предназначена для Рутулиануса.

"Нет, – сказал Алло, – это подарок Амала, того человека, которого ты спас на берегу. Он говорит, что ты настоящий мужчина".

"Он тоже настоящий мужчина. Передай ему, что я буду носить его подарок", – ответил я.

"О, Амал еще молод и глуп. Но если рассуждать серьезно, император так прославился своими подвигами в Галлии, что Крылатые Шлемы хотят быть с ним в дружбе. Или, вернее, в дружбе с его слугами. Они надеются, что Пертинакс и ты могли бы присоединиться к ним". Алло посмотрел на меня, словно одноглазый ворон.

"Алло, – сказал я, – твой народ и ты – зерно меж двух жерновов. Радуйся, если они вращаются равномерно, и не пытайся всунуть между ними руку".

"А разве я пытаюсь? Я одинаково ненавижу и римлян, и норманнов. Но если Крылатые Шлемы будут надеяться,

что когда-нибудь вы с Пертинаксом выступите заодно с ними против Максима, они оставят вас в покое, чтобы дать вам время подумать. Нам всем нужно время – и вам, и мне, и Максиму. Позволь мне отнести Крылатым Шлемам какое-нибудь утешительное послание – что-нибудь, над чем они поломали бы себе головы. Мы, варвары, все одинаковы. Мы готовы сидеть ночь напролет и обсуждать любое слово, брошенное римлянином. Ну как, согласны?

"У нас нет солдат. Мы должны сражаться с помощью слов, – сказал мне Пертинакс. – Предоставь это дело нам. Мы с Алло договоримся".

И вот Алло отправился обратно к Крылатым Шлемам передать наше обещание не нападать на них, если они не будут нападать на нас. Им, наверно, надоело терять людей на море, и мы заключили что-то вроде перемирия. И уж, наверно, Алло, который, как и всякий торговец лошадьми, любил немного приврать, шепнул им также, что когда-нибудь мы, возможно, выступим против Максима, как тот в свое время выступил против римского императора.

И действительно, в ту зиму Крылатые Шлемы беспрепятственно пропустили наши корабли с зерном, которые я посылал пиктам. Так что пикты были сыты, и, поскольку они были в какой-то степени моими детьми, я был рад этому. У нас на Стене было всего лишь две тысячи солдат, и я неоднократно писал Максиму, просил его, умолял прислать мне хотя бы одну когорту из моих старых северобританских частей. Но он не мог этого сделать. Ему нужны были все войска для новых побед в Галлии.

Затем пришли вести, что Максим разбил и отправил на смерть императора Галлии Грациана. Я снова попросил о помощи, решив, что теперь Максиму бояться нечего. Он отвечал: "Узнай, что я наконец свел счеты с этим щенком Грацианом. Ему можно было бы подарить жизнь, но он слишком уж запутался и совсем потерял голову, а это самое плохое, что может случиться с императором. Передай своему отцу, что я согласен ехать только на двух мулах, не буду претендовать на Рим и если Феодосий не сочтет своим долгом меня уничтожить, я останусь императором Галлии и Британии и тогда вы, дети мои, получите столько воинов, сколько вам нужно. Сейчас же я не могу послать ни одного..."

Максим не любил Феодосия, императора Рима. Это была его судьба, и это была его гибель. А Феодосий, насколько я знаю, был хорошим человеком.

Парнезий на мгновение замолчал, потом продолжал:

– Я ответил Максиму, что, хотя на Стене сейчас царит мир, я чувствовал бы себя спокойнее, имея побольше воинов и катапульт. В ответ он написал: "Вы должны пожить еще немного в тени моих побед, пока я не увижу, что намеревается делать Феодосий. Он может приветствовать меня как брата императора, но может и готовить против меня армию. В любом случае сейчас я не могу прислать ни одного человека".

– Он вечно повторял одно и то же! – воскликнула Юна.

– И это было правдой. Потому он и не приносил нам извинения за отказ. Как он и предсказывал, благодаря его победам у нас на Стене царил покой еще очень долго. Пикты жирели не меньше, чем их овцы, пасущиеся на вереске, а все мои солдаты до единого научились отлично обращаться с оружием. Да, Стена выглядела мощной. Но я, я-то знал, насколько мы слабы. Я знал, что если даже ложный слух о поражении Максима доползет до Крылатых Шлемов, они могут взяться за нас всерьез, и тогда... тогда Стена должна пасть. О пиктах я не думал, но за эти годы я лучше узнал силу Крылатых Шлемов. Их число росло с каждым днем, у меня же солдат оставалось столько, сколько и было. Из самой Британии Максим тоже забрал гарнизоны, так что я чувствовал себя человеком, который стоит перед разломанным забором и гнилой палкой должен отогнать мчащихся на него быков.

Так, друзья мои, мы и жили на Стене, ожидая, ожидая, ожидая помощи, которую Максим так и не прислал.

Вскоре он сообщил, что собирает армию против Феодосия. Он писал: "Передай отцу, что судьба приказывает мне ехать на трех мулах сразу или же быть разорванным ими на куски. Я рассчитываю покончить с Феодосием за один год, раз и навсегда. Тогда ты, Парнезий, будешь

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

править Британией, а Пертинакс, если пожелает, Галлией. Я бы очень хотел, чтобы вы сейчас были со мной и помогли бы формировать вспомогательные войска. И молю вас, не верьте ни единому слову о моей болезни. Мое старое тело немного расклеилось, но я вылечу его тем, что скоро въеду в Рим".

Пертинакс сказал: "С Максимом покончено. Он пишет как человек, давно потерявший всякую надежду. Я тоже давно потерял всякую надежду и поэтому могу понять его. А что он прибавляет в конце письма?"

"Скажи Пертинаксу, что я повидал его дядю, ныне умершего, дуумвира из Дивии, и он вполне честно отчитался за все деньги матери Пертинакса. А ее я отправил с надлежащим для матери героя эскортом в Никею [*52], где климат помягче".

"Вот тебе доказательство, – сказал Пертинакс. – От Никеи по морю недалеко до Рима. В случае войны там можно легко сесть на корабль и бежать в Рим. Да, видно Максим предвидит свою смерть и спешит исполнить одно за другим обещания. Но я рад, что он повидался с моим дядей".

"Ты думаешь, что все так плохо?" – спросил я.

"Я думаю то, что есть. Богам надоела игра, которую мы ведем против них. Феодосий уничтожит Максима. С ним кончено".

"Ты ему так и напишешь?" – спросил я.

"Сейчас увидишь, что я напишу, – ответил он, взял перо и написал письмо, веселое, как солнечный день, нежное, как письмо женщины, и полное шуток. Читая эти строки у него через плечо, я даже было успокоился и утешился, но потом я увидел его лицо!.. – Теперь, – сказал он, запечатывая письмо, – мы с тобой, брат мой, просто двое мертвецов. Пойдем в Храм".

Мы помолились богу Митре, так же как и много раз прежде. С того мгновения до следующей зимы мы жили в окружении дурных слухов, не исчезавших ни на один день.

Однажды утром мы поехали на восточный берег и там нашли полузамерзшего светловолосого мужчину, привязанного к выломанным из корабля доскам. Перевернув его на спину, мы по пряжке на ремне определили, что он был готом [*53] из восточного легиона. Вдруг он открыл глаза и воскликнул: "Он мертв! Я вез письма, но Крылатые Шлемы потопили корабль". Произнеся это, он умер на наших руках.

Мы не спрашивали, кого он имел в виду. Мы знали! Несмотря на хлесткий ветер со снегом, мы со всех ног бросились к центральной башне. Гунно, надеясь увидеть там Алло. Он ждал нас у конюшен и по нашим лицам понял, что мы уже все знаем.

"Это произошло в палатке на берегу моря, – начал он, запинаясь. – Феодосий приказал обезглавить Максима. Он послал вам письмо, написанное в ожидании смерти, но Крылатые Шлемы напали на корабль и захватили его. Новость распространяется по нашей стране, как пламя пожара. Не вините меня! Я не могу больше сдерживать своих юношей!"

"Было бы хорошо, если бы мы могли сказать то же самое про своих, – сказал Пертинакс, смеясь. – Но слава богу, убежать–то они не могут".

"Что вы будете делать? – спросил Алло. – Я принес приказ, вернее, послание от Крылатых Шлемов, чтобы вы со своими людьми присоединились к ним и шли бы с ними на юг грабить Британию".

"Мне очень жаль, – ответил Пертинакс, – но мы здесь находимся как раз для того, чтобы этого не допустить".

"Если я вернусь с таким ответом, они меня убьют, – сказал Алло. – Я всегда обещал Крылатым Шлемам, что вы выступите, если Максим падет. Я... я не думал, что он может пасть".

"Увы, бедный варвар, – сказал Пертинакс, продолжая смеяться. – Ты продал нам слишком много хороших лошадей, чтобы вот так взять и отправить тебя обратно к твоим друзьям. Мы, пожалуй, тебя свяжем и не отпустим, хотя ты и посол".

"Да, это будет лучше всего", – согласился Алло, протягивая нам поводья. Мы связали его, но не сильно, ведь он был старик.

"Возможно, теперь Крылатые Шлемы придут тебя искать и мы выгадаем еще немного времени. Посмотри, как привычка тянуть время пристаёт к человеку!" – сказал Пертинакс, завязывая узел.

"Ты не прав, – ответил я. – Время может помочь. Если Максим писал письмо уже будучи под стражей, значит, корабль с письмом послал Феодосий. А если Феодосий послал корабль, он может послать и солдат".

"Но чем это поможет нам? – спросил Пертинакс. – Мы служим Максиму, не Феодосию. Даже если боги совершат чудо и Феодосий пришлет сюда с юга помощь и спасет Стену, мы с тобой можем рассчитывать лишь на одно: получить ту же смерть, что досталась Максиму".

"Кто бы из императоров ни умирал, и кто бы кого ни убивал, наше с тобой дело – защищать Стену", – сказал я.

"Такие слова подошли бы твоему брату–философу, – молвил Пертинакс. – Я же, как человек, потерявший всякую надежду, не буду говорить напыщенные и глупые фразы. Поднимай солдат!"

Мы подняли все легионы с одного конца Стены до другого, объявили офицерам, что до нас дошел слух о смерти Максима и что теперь могут нагрянуть Крылатые Шлемы. Но мы уверены, что даже если слух окажется верным, Феодосий во имя Британии пошлет нам помощь. Поэтому мы должны стоять насмерть... Да, друзья мои, когда наблюдаешь, как люди воспринимают дурные вести, порой видишь самое неожиданное. Сильные часто размякают и превращаются в слабых, а слабые поднимаются и словно черпают силы у богов. Так было и с нами. За прошедшие годы Пертинаксу все же удалось, где шуткой, где обходительностью, а где настойчивостью, вложить мужество в сердца наших поредевших когорт и обучить их воинскому искусству. Это удалось ему лучше, чем я считал вообще возможным. Даже когорты ливийцев – Третья – стояла в своих выпуклых кирасах и не роптала. Через три дня пришли семь вождей и старейшин Крылатых Шлемов. Среди них был и тот высокий юноша, Амал, которого я встретил на берегу, он улыбнулся, увидев на мне ожерелье. Мы оказали пришедшим радушный прием, ведь они были послами, потом показали им Алло, живого и невредимого, но связанного. Они считали, что его уже нет в живых, и я почувствовал, что даже если бы мы его убили, Крылатые Шлемы не стали бы волноваться по этому поводу. Алло почувствовал это тоже и разволновался.

Затем, пройдя в центральную башню Гунно, мы приступили к переговорам.

Они говорили, что Рим гибнет и что мы должны присоединиться к ним. Мне они обещали отдать всю Южную Британию, собрав сначала с нее дань.

"Терпение, – ответил я. – Стена еще стоит. Дайте мне доказательство, что мой генерал мертв".

"Нет, – ответил один из старейшин, – это ты докажи, что он жив".

Другой тут же добавил с хитрой усмешкой: "А что ты нам дашь, если мы прочтем тебе его последние слова?"

"Не будем торговаться, как купцы на базаре! – воскликнул Амал. – Кроме того, этому человеку я обязан жизнью. Вот тебе доказательство!" И

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

он бросил мне письмо с такой знакомой печатью Максима.

"Мы взяли его на корабле, который потопили, – продолжал Амал. – Читать я не могу, но тут есть по крайней мере один знак, который говорит сам за себя". Он указал на темное пятно на конверте, и я с тяжелым сердцем понял, что это кровь доблестного Максима.

"Читай! – воскликнул Амал. – Читай, а потом скажи нам, чьи же вы слуги!"

Просмотрев письмо, Пертинакс мягко сказал: "Я прочту его все. Слушайте же, варвары!"

И он прочел письмо, которое я с тех пор ношу вот здесь, у сердца.

Парнезий вытащил из-за пазухи сложенный и покрытый пятнами кусок пергамента и глухим голосом начал читать:

– "Парнезию и Пертинаксу, достойнейшим Капитанам Стены, шлет Максим, некогда император Галлии и Британии, ныне же узник, ждущий смерти в лагере Феодосия, свое предсмертное здравствуй и прощай!"

"Достаточно, – сказал молодой Амал. – Вот вам ваше доказательство. Теперь вы должны идти с нами".

Пертинакс бросил на него долгий, молчаливый взгляд, и юноша весь вспыхнул, как девушка. А Пертинакс продолжал читать:

– "При жизни я с легким чувством нес людям зло, но оно обращалось лишь против тех, кто желал зла мне, и если я когда-либо причинил зло вам, то я раскаиваюсь и прошу вашего прощения. Три мула, на которых я пытался ехать, разорвали меня на части, как и предсказывал твой отец, Парнезий. В двух шагах от палатки меня ждет обнаженный меч, чтобы предать меня той же смерти, какой я предал Грациана. Поэтому я, ваш Генерал и Император, посылаю вам почетную и добровольную отставку от службы мне, на которую вы вступили не ради денег и положения, а потому – и эта мысль согревает мое сердце – потому что вы любили меня!"

"Клянусь светом солнца! – перебил Амал. – Вот это был человек! Мы, возможно, ошиблись в своих суждениях о его слугах!"

Пертинакс продолжал:

– "Вы дали мне те три года, которые я у вас просил. И если мне не удалось их использовать, не сетуйте на меня. Мы сыграли с богами неплохую партию и не по маленькой, но они метали фальшивые кости [*54], и вот мне приходится расплачиваться. Помни, что меня не будет, но Рим остается и Рим будет вечно! Передай Пертинаксу, что его мать в безопасности в Никее, а за ее деньгами следит префект города Антиполиса. Передай привет своему отцу и матери, чья дружба была для меня ценным приобретением... Если бы все шло хорошо, то в этот же день я послал бы вам три легиона. Не забывайте меня. Мы боролись вместе. Прощайте! Прощайте! Прощайте!"

Вот каким было последнее письмо моего императора.

Дан и Юна слышали, как хрустел пергамент, когда Парнезий прятал его обратно за пазуху.

"Я ошибался, – сказал Амал. – Воины такого человека без боя ничего не уступят. Я рад этому". И он протянул нам руку.

"Но ведь Максим дал вам отставку, – сказал один из старейшин. – Вы вправе служить кому хотите и править чем пожелаете. Присоединяйтесь – не надо даже вливаться в наше войско – просто идем вместе!"

"Благодарим вас, – ответил Пертинакс, – но Максим наказал нам, извините..." И сквозь раскрытую дверь он указал на заряженную и взведенную катапульту.

"Мы поняли, – сказал старейшина. – Стена нам дорого станет, да?"

"Мне очень жаль, – сказал Пертинакс, – но другой цены нет".

И он поднес им нашего лучшего южного вина.

Они молча выпили, вытерли рыжие бороды и встали, чтобы уйти.

Амал сказал, потягиваясь, ведь они были варварами: "Приятная у нас компания. Интересно, кем из нас насытятся волки и акулы до того, как растает снег?"

"Подумай лучше о том, что может прислать Феодосий", – заявил я в ответ, и хотя они только рассмеялись, я заметил, что мои наугад брошенные слова обеспокоили их.

Старый Алло немного отстал от Крылатых Шлемов.

"Вы же видите, – сказал он, беспокойно моргая глазами, – для них я не больше, чем собака. Как только я покажу им наши тайные тропинки через болота, они и отшвырнут меня, как ненужного пса".

"Тогда на твоём месте я не спешил бы показывать им эти тропинки, – сказал Пертинакс, – пока не убедился бы, что Рим не может спасти Стену".

"Ты думаешь так? О горе мне! – застонал старик. – Я хотел лишь одного – мира для своего народа". И он, спотыкаясь и проваливаясь в снег, побрел за рослыми Крылатыми Шлемами.

Так на Стену пришла война. Она надвигалась постепенно, день за днем, что очень плохо для нестойких войск. Сначала Крылатые Шлемы нападали только с моря, как делали это и раньше, а мы, как и раньше, встречали их с берега катапультами – и им хватило по горло. Долгое время они не отваживались ступить на землю своими утиными ногами, и мне кажется, что когда дело дошло до показа троп через болота, пиктам было стыдно или страшно раскрыть все тайны своего народа. Мне это рассказал один пленный пикт. Они были нашими шпионами в такой же степени, как и врагами, потому что Крылатые Шлемы притесняли их и отнимали зимние припасы. О забитый народец!

Потом Крылатые Шлемы напали на нас с двух концов Стены. Я послал пеших гонцов на юг узнать, нет ли каких новостей из Британии, но среди опустевших лагерей, где раньше стояли войска, этой зимой бегали лишь голодные волки, и ни один из гонцов не вернулся. Еще у нас не хватало корма для пони. Десятерых держал я, столько же Пертинакс. Мы ели и спали в седле, разъезжая на восток и на запад, а потом съедали своих изможденных животных. Беспокойство доставляли и наши горожане, пока я не собрал их всех в одном месте позади центральной башни Гунно. С обеих сторон от нее мы разрушили Стену, чтобы соорудить что-то вроде крепости. Мы, римляне, лучше сражаемся сомкнутым строем.

К концу второго месяца война захватила нас целиком, как захватывает человека сон или снежная буря. Мне кажется, мы и во сне сражались. Я, по крайней мере, помню только два момента: как я поднимался, а потом спускался со Стены, как будто между этими моментами ничего не было, хотя мой голос охрип от криков, а меч был в крови.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Крылатые Шлемы сражались по-волчьи – сразу всей стаей. Где им приходилось наиболее туго, туда они и бросались с особым остервенением. Это было тяжело для нас, но зато удерживало их от броска в Британию.

В те дни на штукатурке кирпичной арки мы с Пертинаксом записывали названия захваченных у нас башен и даты, когда это происходило. Нам хотелось оставить какую-то запись.

А сражение? Самые жаркие схватки происходили в центре, справа и слева от огромной статуи богини Рима, рядом с домом Рутилиануса. Клянусь светом солнца, этот толстый старик, которого мы совсем не принимали в расчет, при звуках трубы просто помолодел! Помню, как он называл свой меч оракулом. "Послушаем, что скажет нам оракул, – бывало, повторял он, прикладывая меч к уху и многозначительно кивая головой. – Этот день Рутилианусу еще позволено прожить", – заявлял он, засучивал рукава и, пыхтя и сопя, сражался до поздней ночи. И пусть нам не всегда хватало хлеба, зато его вдоволь заменяли шутки и веселье.

Мы держались два месяца и семнадцать дней – прижатые почти со всех сторон к центральной башне. Несколько раз Алло тайно передавал нам, что помощь близка. Мы этому не верили, но наших солдат это подбадривало.

Конец наступил неожиданно. Не было ни радостных криков, ничего. Мы как сражались во сне, так во сне и освободились. Крылатые Шлемы вдруг оставили нас в покое – сначала на одну ночь, потом еще на день, а это очень много для измотавшегося человека. Сначала мы спали настороженно, готовые в любую секунду вскочить и драться, а затем – как бревна, каждый на том месте, где он упал. О боже, чтоб вам никогда не пришлось спать так! Проснувшись, я увидел, что башни полны незнакомых солдат, которые смотрели, как мы храпим. Я толкнул Пертинакса, и мы оба вскочили, схватившись за оружие.

"Что такое? – воскликнул какой-то юноша в новеньких доспехах. – Вы сражаетесь с Феодосием? Посмотрите по сторонам!"

Мы посмотрели на север. Снег был залит кровью, но Крылатых Шлемов нигде не было. Мы посмотрели на юг, где снег был чист, и увидели Орлов расположившихся там двух легионов. На востоке и западе полыхало пламя и шел бой, но у центральной башни все было спокойно.

"Вы сделали свое дело, – сказал этот юноша. – У Рима длинная рука. Где ваши Капитаны Стены?"

Мы ответили, что это и есть мы.

"Но Максим говорил, что они почти мальчики! – воскликнул юноша. – А ведь вы старики, совсем, совсем седые".

"Мы и были мальчиками несколько лет назад, – ответил Пертинакс. – Так какая же нас ждет судьба, о юное и упитанное создание?"

"Меня зовут Амброзий, и я секретарь императора, – сказал тот. – Покажите мне письмо, написанное Максимом перед смертью, тогда я, может быть, поверю".

Я достал его из-за пазухи. Прочитав его, Амброзий отдал нам салют.

"Ваша судьба в ваших руках, – сказал он. – Если вы захотите служить Феодосию, он даст вам легион. Если же вы предпочтете отправиться по домам, он устроит вам... триумф".

"Я бы предпочел ванну, вина, еды, бритву, мыло, духи и благовония", – ответил Пертинакс, смеясь.

"Да, теперь я вижу, что ты еще мальчик, – сказал Амброзии. – А ты?" Он повернулся ко мне.

"Мы ничего не имеем против Феодосия, – начал я, – но на войне..."

"На войне все так же, как в любви, – перебил Пертинакс. – Лучшее, на что ты способен, ты можешь отдать лишь раз".

"Это так, – согласился Амброзий. – Я был с Максимом до его смерти. Он предупредил Феодосия, что вы ни за что не станете служить дальше, и, скажу откровенно, мне жаль своего императора".

"Ничего, Рим его утешит, – ответил Пертинакс. – Я прошу тебя разрешить нам отправиться по домам, чтобы никогда больше не вдыхать этот запах – запах крови..."

Но триумф они устроили нам настоящий!

– Вы его честно заслужили, – сказал Пак, бросая несколько листьев в неподвижное зеркало пруда. Черные маслянистые круги быстро разбегались по его темной поверхности, и дети задумчиво смотрели на них...

Примечания:

30. Действие этой сказки относит нас к концу IV века, к периоду заката Великой Римской империи – некогда могучего государства, занимавшего огромные территории в Европе, Северной Африке и Малой Азии; в ее состав входила и древняя Британия. На границы Римской империи все смелее стали нападать соседние племена – германцы, готы, норманны, которых римляне презрительно называли варварами. Для защиты покоренной части Британии от живших на севере независимых племен пиктов в самом узком месте острова Британия, от города Сегедунум на восточном побережье до города Итуна на западном была возведена высокая каменная стена. В самой империи шли постоянные междоусобные войны между полководцами, провозглашавшими себя императорами той или иной провинции. О борьбе императора Британии Максима с императорами Галлии и Рима – Грацианом и Феодосием – и рассказывается в этой исторической сказке.

31. Фавн – в римской мифологии бог лесов, полей и животных. Часто отождествлялся с греческим богом Паном (смотри примечание 51). Пак кажется Парнезию похожим на известного ему лесного бога.

32. Центурион – командир центурии, подразделения когорты. Когорта – 1/10 часть легиона, имела численность в 300 – 600 человек.

33. Улисс (он же Одиссей) – греческий герой. Пока он находился в многолетних странствиях, его жену Пенелопу осаждали женихи, но никто не мог выполнить ее требование – согнуть лук ее мужа. Пытаться согнуть лук Улисса – значит пытаться сделать невозможное.

34. Хор – в древнегреческом театре обязательное действующее лицо спектакля. Часто выступал с объяснениями по ходу пьесы.

35. Даки – северофракийские племена, жившие на территории современной Румынии. В 106 году подчинены римлянами, образовали провинцию Дакия.

36. Адриан – римский император (117 – 138 гг.). При нем построена стена, названная в его честь.

37. Префект – высокая административная должность в Древнем Риме.

38. Трибун – в Древнем Риме высшее выборное должностное лицо, защищавшее интересы народа.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

39. Орел – штандарт, или эмблема, легиона римской армии.
40. Нумидийцы – жители Нумидии, исторической области в Северной Африке, завоеванной римлянами в I веке до нашей эры.
41. Цицерон. Марк Туллий (106 – 43 гг. до нашей эры) – римский политический деятель, знаменитый оратор, писатель.
42. Дуумвиры – два высших должностных лица, правящих совместно в римских городах и провинциях.
43. Гладиаторские игры – любимое зрелище в Древнем Риме. Гладиаторов – рабов или военнопленных – заставляли сражаться друг с другом на арене цирка. Публика жестами определяла судьбу побежденного: если большой палец вытянутой вперед и сжатой в кулак руки был направлен вверх, ему оставляли жизнь, если же вниз – победитель на глазах у всех его приканчивал.
44. Оракул – у древних греков и римлян – предсказание, якобы исходящее от божества. В переносном смысле оракул – человек или любой одушевляемый предмет, предсказания которого признаются непреложной истиной.
45. Цезарь – титул императора Римской империи по имени первого римского императора Гая Юлия Цезаря (100 – 44 гг. до нашей эры).
46. Скифы – древние независимые племена Северного Причерноморья, иногда служившие римлянам, стойкие и смелые воины.
47. Белги – кельтское племя, жившее в Северной Галлии и частично в Британии. Белги Галлии были покорены римским полководцем Юлием Цезарем и образовали провинцию Белгика.
48. Ливийцы – жители Ливии, завоеванной римлянами во II веке до нашей эры. Ливийцами римляне часто называли всех жителей покоренной ими Северной Африки.
49. Митра – иранский бог Солнца. Имел сложный культ, все верующие делились на степени, или ступени, посвящения, со своими эмблемами и паролями. Культ Митры был популярен в позднем Риме, особенно в солдатской среде.
50. Грифоны – в древней мифологии чудовищные птицы с крыльями орла и телом льва.
51. Пан – в греческой мифологии бог стад, покровитель природы. Своим богам римляне и греки посвящали отдельные храмы.
52. Никея – город в Малой Азии, входивший в Римскую империю, современный город Изник (Турция).
53. Готы – германские племена, проживавшие в низовьях реки Вислы и в Причерноморье. Вестготы (западные готы), спасаясь от наступавших из Азии гуннов, с разрешения римского императора поселились на землях империи, за что несли ему воинскую службу.
54. Кости – популярная в Древнем Риме игра, обычные кубики, на сторонах которых были нанесены очки – от одного до шести. Для нечестной игры в одну из частей кубика заливался какой-нибудь тяжелый металл, например свинец, чтобы центр тяжести смещался и всегда выпадало нужное число очков.